

УДК 141.32

Идейные истоки экзистенциализма в философии С. Кьеркегора и Ф. Ницше

Олешкова Анна Михайловна

Кандидат исторических наук,

доцент,

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал),

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

622031, Российская Федерация, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57;

e-mail: oleshkova@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды Сёрена Кьеркегора и Фридриха Ницше в контексте формирования экзистенциального направления в европейской философской мысли. Показана взаимосвязь диалектической теологии, философии жизни, персонализма, раннего экзистенциализма как элементов философской оптики, отражающей перемены в обществе и культуре модерна. Системообразующими вопросами компаративного анализа источников и литературы являются феномены житнетворчества, связи жизненного пути философа и его философской концепции; жанровое и стилистическое разнообразие текстов философов; роль религии как сохраняющегося элемента мировоззрения человека модерна, являющейся линией демаркации в эволюции философии экзистенциализма (религиозный и атеистический). Отправной посылкой является тезис о прогностическом потенциале философского высказывания. В ранней экзистенциальной мысли (протоэкзистенциализме) представлены важные этические вопросы, характерные для рефлексии катастрофы XX века: проблема свободы, повторения, абсурда и многие другие, помогающие понять перемены в обществе модерна и увидеть связь европейской и российской интеллектуальной мысли.

Для цитирования в научных исследованиях

Олешкова А.М. Идейные истоки экзистенциализма в философии С. Кьеркегора и Ф. Ницше // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 3А. С. 22-29.

Ключевые слова

Экзистенциализм, Бог, религия, Ницше, Кьеркегор, возвращение, повторение, свобода, личность.

Введение

Одной из определяющих черт экзистенциальной философской мысли является отрицание рациональной интерпретации мироздания. Если под рационализмом понимать однозначный

способ восприятия мира, то иррациональный подход позволяет увидеть двойственность (как ответ на этот рациональный взгляд) и даже множественность вариантов осознания данности бытия. Экзистенциальная философия, вписывающаяся в более широкий пласт иррациональных теорий, позволяет охватить в представлениях мироздания через различные категории: воля, чувства, бессознательное, всё то, что описывает экзистенцию как многозначный символ. Как совокупность теорий, которые отражают в том числе национальные традиции философствования, экзистенциализм складывается между мировыми войнами, 20-30е гг. XX в. При этом данное направление ассоциируется с философами XIX века, которых рассматривают как предшественников экзистенциализма – С. Кьеркегор и Ф. Ницше. Для обоих философов характерен пересмотр категорий «истина» и «ценности», призыв читателя к поиску собственного смысла жизни.

В статье учитываются феномены житнетворчества философов, их взгляды на религию и мораль, а также жанровое своеобразие, присущие текстам обоих авторов. Эти и иные характерные для экзистенциальной философии особенности взглядов С. Кьеркегора и Ф. Ницше позволяют увидеть генезис и противоречия общества и культуры модерна.

Основная часть

С. Кьеркегор, как и многие авторы иррационального направления, представляет пример пересечения своей жизненной и творческой истории, что во многом, как и у Ф. Ницше, подтверждает сущность феномена модернизма – житнетворчество. Важную роль в жизни обоих авторов сыграли отцы. Как и Ницше, Кьеркегор хотел стать священником и даже поступил на теологический факультет [Роде, [www...](#), с. 28].

Стилистические и содержательные особенности творчества Ницше, выраженные в новом формате изложения философских идей, широко известны, прежде всего, через афоризмы. Также важно отметить и разнообразие жанров и способов представления своих взглядов, освоенных Кьеркегором: эссе, афоризмы, трактаты, автобиография, дневники, предисловие к предисловию, использование различных псевдонимов, система не прямых высказываний, метод иронии, двойная рефлексия. Предельная открытость и закрытость – свойственные особенности стиля Кьеркегора, тексты которого необходимо постоянно расшифровывать. Кьеркегор использует и сам характеризует эффект «двойной рефлексии» [Кьеркегор, 2005, с. 89]. С его точки зрения, человек – единственный и уникальный субъект.

В работах Кьеркегора отразилась диалогическая составляющая традиции Сократа–Платона, важной частью которой была задача спровоцировать читателя на реакцию путем системы не прямых высказываний. Главное в жизни доказать нельзя, можно только свидетельствовать: «вера – тяжба о возможном». Говорить должны не пустые оболочки, не функции, позиции или статусы, а живые люди. В полемике с Гегелем Кьеркегор отмечал, что разум бессилён в познании религии, трансценденция остается недоступной человеку [Рябов, [www..](#)]. Для Кьеркегора важной была тема страха. В дальнейшем М. Хайдеггер разовьет тему ужаса [Хайдеггер, 1993], также характерную для экзистенциальной философии. Именно через страх проявляется свобода человека, которая одновременно притягательна и отталкивает. Выбор и рефлексия – ключевые понятия в идеях Кьеркегора. Кьеркегор одним из первых использовал категорию «экзистенция» и отмечал важность выбора, который человек предпринимает ежедневно. Рубеж на стыке «сна» и «пробуждения» – это предвосхищение хайдеггеровского взгляда на экзистенцию и понятия «ничто», которое станет особо актуальным для мировой

истории первой половины XX века, сконцентрировавшей целый ряд катастроф, вынуждающих человека искать смысл и аргументы обоснования своего кризисного бытия в условиях «пограничных ситуаций» [Ясперс, 1994, с. 21, 22], войн и революций, личных социальных и в широком смысле экзистенциальных катастроф. Вероятно, самым известным сюжетом творчества Кьеркегора и значимым в контексте понимания роли Бога в мировоззрении эпохи модерна являются три ипостаси человека: эстетическая, этическая, религиозная. Важно сказать, что это не триада, как у Гегеля, и не этапы, как у Конта, а три экзистенции человека, они диалектически связаны, но переход между ними не является гарантированным.

Человек-эстетик живет наслаждением, руководствуется одним мгновением. Эстетика носит внешний характер: приоритеты субъекта могут быть самыми разнообразными, вовсе необязательно, что они просты и примитивны: материальные блага, здоровье, успех, любовь. Вне зависимости от глубины этих стремлений, всех их объединяет одно: эскейпизм во внешний мир ведет к неподлинному существованию, отчуждению. Таковыми фигурами были Дон Жуан, Фауст, Агасфер (Вечный Жид), Нерон [Кьеркегор, 2011, с. 17, 119, 660]. Интересно, что позже Альбер Камю будет характеризовать образ Калигулы, раскроет его как метафизического бунтаря и абсурдного человека. Чем умнее эстетик, тем быстрее он приходит к отчаянию. В конечном счете он понимает, что всё внешнее уйдет. Наступившее отчаяние, переживание этого ощущения – одно из важных состояний. Это чувство плодотворно, оно является «исцеляющей силой» [Кьеркегор, 2011, с. 176], ибо это шанс, наконец, сделать собственный, личный выбор. Надо довести себя до крайности, чтобы понять: человек больше, чем разум, начинать философствовать можно вовсе не с удивления (Сократ) или сомнения (Декарт), а от отчаяния (Кьеркегор) [Рябов, www...]. Вторая стадия – этическая. Этик пытается до конца пережить отчаяние, который начал испытывать эстетик [5, с. 705]. И это чувство отчаяния роднит этика с эстетиком. Образцом для понимания такого состояния является жизнеописание стоиков. Показательными примерами являются также Сократ и Кант. Человек такого типа способен делать выбор, он представляет собой целостность характера. Общими неперсонифицированными собирательными образами такого типа личности могут считаться гражданин, семьянин, моралист. Этическому типу личности свойственно противостоять окружающей действительности, которая является внешней нормативностью, условностью, выступает в роли злого рока, судьбы, действовать как закономерность бытия. Выбор, который человек совершает, является осознанным, и он не продиктован внешними обстоятельствами. Важную роль в этой системе ценностей играет разум и мораль. Моральные суждения построены на силе разума. Мир, опутанный причинами и следствиями, заставляет человека ощутить свое несубъектность, свое бессилие, поскольку есть только одно безусловное действие, самое глобальное и неизменное следствие всего сущего – смерть. Стоит оговориться, что, если первые две стадии подробно описаны Кьеркегором в работе «Или – или», то третья, самая важная для него ипостась подробно проанализирована в одной из самых ранних работ Кьеркегора, в раннем трактате «Страх и трепет» [Кьеркегор, 1993].

Кьеркегор описывает два типа рыцарства – человека, который прошел через посвящение. «Рыцарь покорности» отсылает нас к образу философа, который принимает законы, следует им, ибо законы действуют помимо нашей воли и изменить их невозможно. Такая нормативная этика властвует над личностью. В свою очередь, «рыцарь веры» – Иов и Авраам. В этой связи феномен веры – это не просто религиозный символ и олицетворение покорности, ведь Иов проявляет бунтарство, непокорность, он нарушает правила. Вера одновременно – проявление свободы, но она беспочвенна, то есть абсурдна. Интересно, что у Л. Шестова также используется понятие

«апофеоз беспочвенности» [Шестов, 1991]. У веры нет рамок и нет гарантированного, запрограммированного механизма действия. С этих позиций она может оказываться действеннее, эффективнее для человека, полезнее, чем разум, у которого всегда есть границы.

Симптоматично, что, когда молчит Авраам – это олицетворение невозможности высказать в словах, объяснить, что именно происходит [Кьеркегор, 1993, с. 17]. Подобная ситуация описывается в рассказе Л. Андреева «Молчание» [Андреев, 1990, с. 195-206]. Существуют состояния, когда ничего не объяснено и не может быть объяснено. Слова излишни и даже бессмысленны и вредны. Таким образом, с точки зрения Кьеркегора, жизнь – это невыразимый процесс, изменчивый и неподдающийся причинно-следственным связям. Если эстетическая и этическая стадии – это, скорее, переходы, которые осуществляет личность, то обретение веры – это парадоксальность, и это скачок. Так, все, что происходило между Богом и Авраамом, Богом и Иовом, рационально осмыслить невозможно. С точки зрения разума и морали, это необъяснимо и даже аморально. Сложными и спорными являются образы Агамемнона, Иеффая, Брута [Кьеркегор, 2005, с. 42]. Частично, данный уровень противоречий может быть объяснен этикой: личное принесено в жертву общему. Однако с точки зрения Кьеркегора, вера не может быть операционализирована, она утверждается только личностным экзистенциальным выбором. Помимо влияния на собственно экзистенциальную философию, идеи Кьеркегора нашли отражение в русской религиозной философии, диалектической теологии. Общим местом стала критика рационализма и попытки преодолеть отчужденность человека [Барт, 2005, с. 257, 353]. Вера выступает как «принцип познания» и одновременно «творческая сила истории» [Барт, 2005, с. 113]. В этой связи важен человек, субъект, обладающей одновременно бесконечной свободой и метафизической ответственностью, отраженной в философской концепции личности, теории персонализма Н. Бердяева. Примечательно, что в своей автобиографии Бердяев отмечает, что именно философское познание дает освобождение, и в этом видит связь с идеями еще одного важного для экзистенциальной мысли автора – Льва Шестова [Бердяев, 2016, с. 111]. Общность «религиозной драмы», переживаемой философами, несмотря на ее различное проявление [3, с. 259], говорит об одинаковой важности для философии персонализма и экзистенциализма идей, связывающих становление личности и соединение с Богом.

По Гегелю, главному оппоненту Кьеркегора, религия без философии ничто, это как бы «недофилософия». При этом философ и философия – разные феномены. В свою очередь, Кьеркегор считал, что сначала нужно жить, а только потом философствовать [Рябов, www...]. Кьеркегор разъединил бытие и мышление, обозначив «Я» («Дух» и «Существование») как соединительное звено [Пугацкий, 2012, с. 223]. Но нельзя разделить философа и его философию, данный тезис подтверждает важность понимания философской концепции через особенности жизнетворчества.

Важную роль в осмыслении религиозных идей и оформлении атеистических представлений в рамках генезиса экзистенциальной мысли сыграла «философия жизни», в которой ведущая роль принадлежит Ф. Ницше. В его работе «Генеалогия морали» отражены представления мыслителя о природе добра. Обращение Ницше к проблеме морали и предрассудков представлено в собрании афоризмов «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» [Ницше, 2006].

Жизнетворчество Ницше было также наполнено трагизмом, отразившимся в размышлениях автора. Кроме того, Ницше сопоставляют, сравнивают с Достоевским [Шестов, 1903, с. 23]. При всей разности стилей и тем, предлагаемых авторами, их травматический опыт позволил

раскрыть самые потаенные свойства человеческой личности. Для нас важно, что даже когда Ницше стал ярким антихристианином, его воззрения оставили отпечаток религиозного. Следует согласиться, что взгляды Ницше в отношении религии не так просты [Ясперс, 1994, с. 89-92].

Интересно, что Ницше тоже описывает метафорические стадии развития человека, содержательно, при раскрытии образов, схожие с подходом Кьеркегора. «Верблюд» олицетворяет терпение, мораль, дисциплину; «лев» – отрицание, силу, борьбу; «ребенок» – отсутствие детерминации и запрограммированности, игру, свободу [Ницше, 2005, с. 25]. Кроме того, созвучными оказываются концепты «возвращения» (Ницше) и «повторение» (Кьеркегор), в каждом из которых можно увидеть целостность бытия, его наполненность и обретение смысла [Ницше, 2009, с. 224; Кьеркегор, 1993, с. 26].

Как и Кьеркегор, Ницше является выдающимся стилистом, особого внимания заслуживает его эссеистский, метафорический, афористичный способ изложения своих идей. Как и датский мыслитель, Ницше использует прием недосказанности, чтобы, с одной стороны, читатель сам сделал выводы, с другой – такая форма описания раскрывает жизнь человека как ситуацию с открытым финалом. Человек всегда парадоксален, и предтечи экзистенциальной мысли своим творчеством это подтверждают. В числе первых Ницше усомнился в «ценности ценностей», в возможности рационального осмысления мира, в целом, и поступков людей, в частности. Мораль и добро могут представлять собой опасность и регресс. Ницше отмечает автономность положения теологических и нравственных категорий. Человек обладает «нравственными предрассудками», которые нужно уметь отделять от «теологических предрассудков» [Ницше, 2012, с. 8,11].

В греческой культуре Ницше больше интересовал досократический период. С точки зрения автора, культура дуалистична, как и природа человека [Ницше, 2012, с. 23]. Аполлоническое начало устанавливает связь с аристократическим божеством, красотой, гармонией и соразмерностью. Эталоном становится пифагорейство, идея золотой середины и меры. Однако дионисийство во многом оказывается важнее аполлонизма, оно олицетворяет стихию, всё подсознательное, которое порождает ощущение трагизма и безграничной бездны, необузданность страстей. Без дионисийского начала культура безжизненна, она рискует превратиться в схему. Ницше на языковом материале показывает, как понятие «добрый», «злой» естественным образом выросли из понятий «знатный», «благородный» и «низкий», «пошлый», «плебейский», соответственно [8, с. 20]. Данный тезис может быть использован в демаркации массовой и элитарной культуры, обозначении противоположных моделей поведения в современном обществе. И Кьеркегор, и Ницше предвосхитили теории массового поведения, обозначили роль толпы в обществе модерна, которая стала ключевым актором социальных процессов XX века, олицетворением эмансипации и секуляризации.

Важно понимать, что при сильном влиянии на Ницше философии Шопенгауэра, произошла важная переработка ключевого тезиса о воле. Если у буддистов, на которых ориентировался Шопенгауэр, мир представлен как угасание воли, как нечто темное, гнетущее и бессмысленное, то Ницше пишет о силе творения, об усилении, умножении воли, а не о ее угасании. При всей трагичности идей Ницше, они не характеризуются пессимизмом, свойственным Шопенгауэру. Ницше разграничивал личность Христа и христианство. Проводил важные параллели с российской культурой, характеризуя проявления Иисуса на земле, которые смог «разгадать» Достоевский [Ницше, 2005, с. 372]. В этой связи важна также идея контекстуальной морали. Воля к власти – это онтологическая категория, сущностная данность. Само по себе, это не плохо и не хорошо. Мораль и религия также не могут быть хорошими или плохими, по определению.

Ницше – противник любого морализма и морализаторства. При этом он называет себя не аморалистом, а имморалистом [Ницше, 2009, с. 19]. Он смог дать сторонний взгляд на проблемы религии и морали, убрать пиетет, субъективизм в разговоре об этих явлениях культуры, который может препятствовать аналитическому суждению.

Заключение

Идеи С. Кьеркегора и Ф. Ницше при всей их разности можно обозначить как протоэкзистенциализм. В случае с рассматриваемым направлением особенно важно подчеркнуть, что философия – это всегда личностный текст. Все, что пишет философ – это саморефлексия [Рябов, www...], которая позволяет понимать и автора, и эпоху, и человека эпохи. Общим для обоих мыслителей является подчеркивание значения христианской религии для современного мира, критика института церкви и современной морали, расхождение социальной практики и слов, свойственные обществу. При этом оба философа не отказывали человеку в способности изменить ситуацию в лучшую сторону, хотя и отмечали кризис современной им эпохи. Различными были позиции авторов относительно веры и морали. Если Ницше предлагает провести процедуру «переоценки ценностей», отказаться от традиционной морали, которая может быть ложной и ханжеской, то Кьеркегор обращает внимание читателей на веру как самое высокое чувство в человеке, его подлинное существование. Оба взгляда авторов на религию окажутся востребованными как в дальнейшем развитии этических теорий, так и в выборе повседневных практики в обществе модерна и постмодерна.

Библиография

1. Андреев Л.Н. Молчание // Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Рассказы 1898-1903 гг./Редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; Вступ. статья А. Богданова; Сост. И подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; Коммент. В. Чувакова. М.: Худож. лит., 1990. 639 с. С. 195 – 206.
2. Барт К. Послание к Римлянам / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. 580 с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 451 с.
4. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер с датского яз. Н.Исаевой и С.Исаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005, 680 с.
5. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч.; пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н.Исаевой и С. Исаева. СПб. : Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии : Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 112 с.
7. Кьеркегор С. Повторение. М.:Лабиринт. 157 с.
8. Ницше Ф. Генеалогия морали. М.: Лениздат, Лениздат-классика. 2013, 192 с.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии // Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005–Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / Пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. 2012. 416 с.
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005–Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др.; науч. ред. И.А. Эбаноидзе. 2009. 408 с.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого// Полное собрание сочинений: В 13 томах / Институт философии. М.: Культурная Революция, 2005–Т. 4. / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского; пер. комментария А.Г. Жаворонкова; науч. ред. Е.В. Ознобкиной. 2007.432 с.
12. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005–Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. В двух томах. / Пер. с нем. В.М. Бакусев. 2011. 672 с.
13. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. // Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-г философии. М.: Культурная революция, 2005. Т. 13: / Пер. с нем. В.М. Бакусева и А.В. Гараджи; науч. ред. СВ. Казачков, 2006. 656 с.

14. Пугачкий М.В. О диалектике Кьеркегора // Вестник КрасГАУ. 2012. №10. С. 223 – 229. С. 223.
15. Роде П.П. Серен Киркегор сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и других иллюстраций). Пер.с нем. Челябинск: Урал LTD. 429 с.
16. Рябов П. Лекции по экзистенциализму. С. Кьеркегор // Предание [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://predanie.ru/ryabov-petr-vladimirovich/lekcii-po-ekzistencializmu/slushat/> (дата обращения 25.04.2019).
17. Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления: Пер. с нем . М.: Республика, 1993 . 447 с. (Мыслители XX в.).
18. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления / Авт. предисловия Н. Б. Иванов. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 216 с. (История российской культуры).
19. Шестов Л. Достоевский и Ницше : (Философия трагедии). Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. [2], 245 с.
20. Ясперс К. Введение в философию/ Пер. с нем. Под ред. А. А. Михайлова. - Мн.: Прописи, 2000 (Схолия). 192 с.
21. Ясперс К. Ницше и христианство / Перевод с немецкого Т.Ю. Бородай. М.: Московский философский фонд, «Медиум», 1994. 114 с.

Ideological origins of existentialism in the philosophy of S. Kierkegaard and F. Nietzsche

Anna M. Oleshkova

PhD in Historical Sciences,
Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute,
Russian State Vocational Pedagogical University,
622031, 57, Krasnogvardeyskaya str., Nizhny Tagil, Russian Federation;
e-mail: oleshkova@bk.ru

Abstract

The article examines the views of Søren Kierkegaard and Friedrich Nietzsche in the context of the formation of the existential direction in European philosophical thought. The interrelation of dialectical theology, philosophy of life, personalism, early existentialism as elements of philosophical optics reflecting changes in modern society and culture is shown. The system-forming issues of comparative analysis of sources and literature are the phenomena of life creativity, the connection between the life path of a philosopher and his philosophical concept; genre and stylistic diversity of philosophers' texts; the role of religion as a remaining element of the worldview of modern man, which is a line of demarcation in the evolution of the philosophy of existentialism (religious and atheistic). The starting premise is the thesis about the predictive potential of a philosophical statement. Early existential thought (proto-existentialism) presents important ethical issues characteristic of the reflection on the catastrophe of the 20th century: the problem of freedom, repetition, absurdity and many others, which help to understand the changes in modern society and see the connection between European and Russian intellectual thought.

For citation

Oleshkova A.M. (2024) Ideinye istoki ekzistentsializma v filosofii S. K'erkegora i F. Nitsshe [Ideological origins of existentialism in the philosophy of S. Kierkegaard and F. Nietzsche]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (3A), pp. 22-29.

Keywords

Existentialism, God, religion, Nietzsche, Kierkegaard, return, repetition, freedom, personality.

References

1. Andreev L.N. Silence // Collected Works. In 6 volumes. T. 1. Stories 1898-1903/Editorial group. I. Andreeva, Y. Verchenko, V. Chuvakov; Entry article by A. Bogdanov; Comp. And get ready. text by V. Alexandrov and V. Chuvakov; Comment. V. Chuvakova. M.: Artist. lit., 1990. 639 p. pp. 195 – 206.
2. Bart K. Epistle to the Romans / Trans. with him. (Modern Theology Series). M.: Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 2005. 580 p.
3. Berdyaev N. A. Self-knowledge. M.-Berlin: Direct-Media, 2016. 451 p.
4. Kierkegaard S. Final unscientific afterword to “Philosophical crumbs” / Translated from Danish. N. Isaeva and S. Isaeva. SPb.: Publishing house St. Petersburg. Univ., 2005 680 p.
5. Kierkegaard S. Either – or. Fragment from life: at 2 hours; lane from date, intro. Art., commentary, note. N. Isaeva and S. Isaeva. SPb. : Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy: Amphora. TID Amphora, 2011. 823 p.
6. Kierkegaard S. Fear and Trembling. M.: Republic, 1993. 112 p.
7. Kierkegaard S. Repetition. M.: Labyrinth. 157 p.
8. Nietzsche F. Genealogy of morality. M.: Lenizdat, Lenizdat-classics. 2013, 192 p.
9. Nietzsche F. The Birth of Tragedy // Complete Works: In 13 volumes / Institute of Philosophy. M.: Cultural Revolution, 2005–T. 1/1: The birth of tragedy. From the heritage of 1869–1873. / Per. with him. V. Bakuseva, L. Zavalishina and others; total ed. I.A. Ebanoidze. 2012. 416 p.
10. Nietzsche F. Complete Works: In 13 volumes / Institute of Philosophy. M.: Cultural Revolution, 2005–T. 6: Twilight of the Idols. Antichrist. Ecce homo. Dithyrambs of Dionysus. Nietzsche contra Wagner / Trans. with him. Yu.M. Antonovsky, Ya.E. Golosovkera et al.; scientific ed. I.A. Ebanoidze. 2009. 408 p.
11. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. A book for everyone and no one // Complete works: In 13 volumes / Institute of Philosophy. M.: Cultural Revolution, 2005–T. 4. / Per. with him. Yu.M. Antonovsky; lane comment by A.G. Zhavoronkova; scientific ed. E.V. Oznobkina. 2007.432 p.
12. Nietzsche F. Human, too human. A book for free minds // Complete works: In 13 volumes / Institute of Philosophy. M.: Cultural Revolution, 2005–T 2: Human, too human. In two volumes. / Per. with him. V.M. Bakusev. 2011. 672 p.
13. Nietzsche F. Drafts and Sketches 1887–1889. // Complete works: In 13 volumes / Institute of Philosophy. M.: Cultural Revolution, 2005. T. 13.: / Per. with him. V.M. Bakusev and A.B. Garaji; scientific ed. NE. Kazachkov, 2006. 656 p.
14. Pugatsky M.V. On Kierkegaard’s dialectics // Bulletin of KrasGAU. 2012. No. 10. pp. 223 – 229. pp. 223.
15. Rode P.P. Søren Kirkegaard himself testifies about himself and his life (with the application of photographic documents and other illustrations). Translated from German Chelyabinsk: Ural LTD. 429 pp.
16. Ryabov P. Lectures on existentialism. S. Kierkegaard // Tradition [Electronic resource]. Access mode <https://predanie.ru/ryabov-petr-vladimirovich/lekcii-po-ekzistencializmu/slushat/> (date accessed 04/25/2019).
17. Heidegger M. Being and time: Articles and speeches: Trans. with him. M.: Republic, 1993. 447 p. (Thinkers of the 20th century).
18. Shestov L. Apotheosis of groundlessness: Experience of adogmatic thinking / Auth. foreword by N. B. Ivanov. L.: Leningrad University Publishing House, 1991. 216 p. (History of Russian culture).
19. Shestov L. Dostoevsky and Nietzsche: (Philosophy of tragedy). St. Petersburg: type. MM. Stasyulevich, 1903. [2], 245 p.
20. Jaspers K. Introduction to Philosophy / Trans. with him. Ed. A. A. Mikhailova. - Mn.: Propylaea, 2000 (Scholia). 192 p.
21. Jaspers K. Nietzsche and Christianity / Translation from German by T.Yu. Beard. M.: Moscow philosophical background, “Medium”, 1994. 114 p.